

Волна убийственной ауры хлынула на Тифу. Судя по многолетнему опыту общения с Шэн Тинцзином, тот уже собирался отключить его от сети.

Система покрылась холодным потом... Ой, забыла, она же система, она не потеет.

И ради кого всё это?! Хозяин совершенно не понимает всю боль ситуации, когда влюблённые друг в друга люди в итоге становятся лучшими братьями.

Если она оставит всё как есть, эти двое рано или поздно станут учителем и учеником, а тут уже нарушение субординации!

Жизнь системы тяжела. Она не может напрямую заявить, что делает всё это ради личного счастья Шэн Тинцзина, иначе разозлённый хозяин непременно раздавит её гидравлическим прессом в тончайший блин.

— Немедленно отключи связь с Третьим и отправь его стоять в угол, не то я отключу тебя от питания.

Тифу послушно подчинилась. Ничего страшного, что система потерпела обиду — она ведь принимает удар на себя ради блага хозяина. Настанет день, и хозяин оценит её благие намерения.

Первый урок — места пустуют.

Второй урок — человек всё ещё не пришёл.

Лишь после обеда Тифу разочарованно швырнула в мусорное ведро завтрак, что хранился в животе у Третьего, — план обольщения провалился.

Ничего страшного, у системы есть второй запасной вариант.

Раз он не идет к нам, мы сами пойдем к нему:

— Хозяин, Гу Юаньцин уже полдня не появляется на занятиях, неужели что-то случилось? Он такой красивый, с высоким уровнем культивации, да еще и вечно околачивается возле класса альфа — вдруг его там обижают?

Тифу поистине искусно манипулировала Шэн Тинцзином. Стоило ей произнести эти слова, как в том мгновенно разыгралось защитное чувство. Раз уж они соседи по парте, оставаться в стороне было просто неправильно.

— Отыщи его местоположение.

— Сию минуту, подключаюсь к внутришкольной сети видеонаблюдения.

Для Тифу отыскать кого-нибудь не составляло особого труда, и вскоре Шэн Тинцзин уже лицезрел фигуру Гу Юаньцина у входа в аудиторию факультета мех-ремонта.

Сегодняшнее солнце палило сильнее, чем вчера. Был уже ближе к вечеру, но лучи по-прежнему падали на юношу в тонких белых одеждах, словно обжигая его.

Занятия еще не начались, и в аудитории сидела лишь пара человек — кто-то слонялся по углам, кто-то резался в игры, кто-то сидел в интернете. Только Гу Юаньцин стоял у порога, прижав к груди чёрную тетрадь и сосредоточенно уткнувшись носом в конспекты.

На этот раз, не дожидаясь реплики Тифу, Шэн Тинцзин уже выплыл наружу. Он подошёл к Гу Юаньцину и легко постучал его по лбу.

Гу Юаньцин резко поднял голову и встретился взглядом с глазами Шэн Тинцзина.

На этом божественном лице, от которого у любого перехватило бы дыхание и заколотилось сердце, играла лёгкая улыбка. Протянув руку, Шэн Тинцзин произнёс:

— Заходи послушать, я побуду с тобой.

— Не нужно...

Гу Юаньцин даже не представлял, как отказать. Он был омегой; если обычно во время тайного прослушивания лекций доброжелательные преподаватели закрывали на это глаза и позволяли ему послушать чуть дольше, то строгие учителя сразу же звали завуча Лю, чтобы тот уволок его обратно. Само свободное посещение лекций не допускалось школьными правилами, так что о том, чтобы зайти внутрь, не могло быть и речи.

Шэн Тинцзин, конечно же, понимал все его опасения. Но кто он такой? Он — проблемный ученик, от которого Императорская королевская академия страдала уже добрый десяток лет, и подобные мелочи даже не стоили упоминания.

Шэн Тинцзин зашел с другой стороны:

— Задания по вашей специальности слишком сложные, я с ними не справляюсь. Ты поможешь мне с домашкой, а я помогу тебе с проблемой свободного посещения. Взаимная выгода, сплошной плюс для обоих.

Гу Юаньцин всё ещё сомневался: он не хотел, чтобы из-за него Шэн Тинцзина тоже начали ругать.

Шэн Тинцзин помахал рукой перед его глазами, возвращая к действительности:

— Тебе не о чем беспокоиться. Для меня это сушая пустяковая мелочь. Раз уж я могу решить проблему, которая меня тяготит, с помощью столь пустякового дела, почему бы и нет?

Гу Юаньцин гадал, каков же был истинный смысл его поступка.

Шэн Тинцзин решительно втащил юношу за руку в аудиторию:

— Пойдём. Твоё дело — внимательно слушать лекцию, а остальное предоставь мне.

Альфы в аудитории нашли появление омеги забавным. Они подняли головы, бросили мимолетный взгляд — силуэт разглядели лишь мельком, а поскольку по природе своей они не

любили совать нос в чужие дела, то просто вернулись к прерванным занятиям.

Ближе к началу лекции в аудиторию один за другим вошли еще несколько студентов. Все они были поражены видом двух посторонних на первом ряду; то и дело оглядываясь через плечо, они перешептывались:

— Да ладно! С каких это пор в наш класс забрели аж два омеги?

Шэн Тинцзин мысленно закатил глаза. Вечно находятся слепцы, принимающие его за омегу! У него просто слабоватая феромонная аура, но это же не значит, что у них нос не работает, к чему столько шума?

Он настоятельно рекомендовал включить проверку зрения в обязательную программу экзаменов: всем им в будущем предстоит отправиться на поле боя, что же они будут делать, если ослепнут в столь юном возрасте?

Альфа, шествовавший вместе с ним, покраснел и украдкой бросил еще один взгляд:

— Тот омега с серебристо-серыми волосами такой милый! Вот бы он стал моим парнем, я бы даже согласился войти в семью жены на правах зятя!

— Тебе лишь бы и рыбку съесть, и на елку сесть, да? Я тоже согласен.

...

Заметив, что тело Гу Юаньцина слегка подрагивает, Шэн Тинцзин тут же с беспокойством повернулся к нему и спросил, что случилось. Но не успел он закончить фразу, как увидел, что Гу Юаньцин прячет улыбку, избегая его взгляда.

Все слова утешения, готовые сорваться с языка, намертво застряли в горле, оставив в голове лишь карканье ворон.

— Ого! А наш маленький омега сегодня набрался храбрости и приперся прямо сюда подслушивать? Да еще и новенького с собой привел! Этот омега хорош собой, в следующий раз тоже приходи!

Вслед за этим собачьим лаем Шэн Тинцзин быстро обнаружил источник звука: у входа толпились четверо альфа с бугрящимися от мускулов телами.

Главаря звали Линь Юйфань, его семья владела каким-то мизерным дворянским титулом, и он вечно разгуливал со своей тройкой шестерок, задирая нос и обижая простолюдинов.

Альфугу справа звали Линь Юйфэн: хотя у них с Линь Юйфанем была одна фамилия, кровного родства между ними не было.

Отец Линь Юйфэна являлся богатым купцом, водились у них и кое-какие деньги. С Линь Юйфанем они сошлись быстро, оба оказались одного поля ягоды и спелись при первой же встрече.

Альф у по левую руку от Линь Юйфаня звали Чжао Ичэнь. На вид он казался робким и забитым, но на деле шёл с огромным отрывом на первом месте по успеваемости на потоке, а дрался так жестоко, что порой даже инструкторы не могли его усмирить.

Последнего звали Сюй Чжи, и он происходил из простых людей.

У него не было ни семейного богатства, как у Линь Юйфэна, ни выдающихся успехов в учебе, как у Чжао Ичэня. И то, что он смог прочно закрепиться в этой четвёрке, объяснялось вовсе не смазливой мордашкой, а его острым умом.

Можно сказать, что четвёрка разгильдяев благополучно дожила до сегодняшнего дня в Королевской академии, где аристократы буквально на каждом шагу, исключительно благодаря способности Сюй Чжи замечать следы и улаживать дела, иначе их давно бы уже выгнали за оскорбление знатных особ и вышвырнули вон.

Изучив досье, составленное Тифу, Шэн Тинцзин с недовольством нахмурил брови, и когда снова взглянул на эту четвертую, в его глазах отчетливо проступило отвращение.

— Сколько раз вам повторять: выгуливая крупных собак, надевайте на них поводки. Никакого воспитания.

Атмосфера накалялась. Любители поглазеть приготовились: они бессознательно пересаживались на первые ряды и наостряли уши, боясь упустить хоть единое слово.

Линь Юйфань закинул верхнюю одежду на плечо. Его потная, лоснящаяся от липкого пота обнаженная грудь выглядела отвратительно и резала глаз, отчего аппетит пропал даже на мысли об ужине.

Он свирепо уставился на Шэн Тинцзина:

— Ты что сказать-то хочешь?

— Забыл, что ты не понимаешь человеческой речи. Прошу прощения.

Сидевший позади зевака А живо подыграл:

— Он тебя оскорбляет.

Эта фраза глубоко задела Линь Юйфаня. Зыркнув на зеваку А, он свирепо бросил:

— Я и сам знаю, без тебя подсказчиков хватит.

С этими словами он внезапно выбросил мощную волну феромонов, пытаясь придавить Шэн Тинцзина к земле и заставить молить о пощаде.

Подавление омег альфами было заложено самой природой: высвобождение альфой высокой концентрации феромонов того же уровня с большой долей вероятности могло спровоцировать у омеги преждевременную течку. Выделять столь мощный давящий феромон в присутствии

омеги было верхом глупости — прямая кишка вместо мозга, полнейший идиотизм!

И даже не говоря о наличии у него хоть каких-то познаний в морали и законах — неужели он не подумал, что если принудить омегу к течке, то находившимся в аудитории альфам тоже не сдобровать?

Шэн Тинцзин не мог точно определить уровень культивации Линь Юйфаня, но вряд ли тот превосходил уровень SSS Гу Юаньцина. При разнице в уровнях влияние феромонов альфы на омегу было минимальным, если только между ними не наблюдалась крайне высокая степень совместимости.

Взглянув на обвешанного буграми мышц Линь Юйфаня, а затем на сидевшего рядом с ним нежного и ароматного сладкого пирожного Гу Юаньцина, Шэн Тинцзин решил, что они совершенно не смотрятся вместе и уровень совместимости их феромонов наверняка ничтожно мал.

Хотя в глубине души он вовсе не верил, что Линь Юйфань способен хоть как-то повлиять на Гу Юаньцина, он всё же бросил на него исполненный тревоги взгляд. Убедившись, что с Гу Юаньцином всё в порядке, Шэн Тинцзин помрачнел и отвесил этому ублюдку-альфе звонкую пощёчину.

<http://bllate.org/book/22360/2344196>